

Как свидетельствуют литературно-критические отклики, публикации абрамовских “задержанных” произведений в 1989–1995 гг. резко перевернули привычный стереотип восприятия его творчества, который начал складываться еще в 1950-х гг., когда было опубликовано первое крупное произведение писателя – первый роман одноименной тетралогии “Братья и сестры” (1958). С тех пор выход в свет его произведений: очерка “Вокруг да около” (1963), остальных романов-книг тетралогии (“Две зимы и три лета” – 1968; “Пути-перепутья” – 1973; “Дом” – 1978), а также повестей “Пелагея” (1969), “Деревянные кони” (1970) и других повестей и рассказов – были крупным, но во многом типичным для литературы тех лет явлением. Как отмечает Д. Гиллеспи, очерчивая особое положение писателя в “советской литературе”, Абрамов отличается от других своих собратьев тем, что его самые выдающиеся произведения смогли появиться только в период гласности [12, с. 1].

Напомним сюжет абрамовской повести “Поездка в прошлое”.

Таинственный незнакомец в черном плаще появляется в деревенском доме главного героя Микши (Никифора Ивановича Кобылина) с просьбой отвезти его на Курзию, бывшее поселение раскулаченных. Эта “поездка в прошлое”, как и все одноименное повествование, имеет символический смысл возвращения, путешествия по путям перепутьям исторической памяти. Поездка завершается внезапным прозрением героя, некогда отрекшегося от репрессированного отца “в пользу” героических дядьев, раскулачивавших своих односельчан. Мистический незнакомец (Кудасов) оказывается человеком из прошлого, опровергающим легенду о гибели одного из Микшиных дядьев от руки классового врага. “А на самом деле пьяный дядя изнасиловал беззащитную пятнадцатилетнюю девчонку, которая убирала комендатуру, а брат этой девчонки – четырнадцатилетний пацан (сам Кудасов – А.Б.) – убил дядю...” [13, с. 13]. Внезапному прозрению, развенчивающему легенду, “вторит” откровение о Микшином отце: тот оказывается подлинным героем и жертвой сталинских репрессий. Холодной осенней ночью возвращаясь домой, Микша умирает – душа его не выдерживает перенесенных потрясений. Перед смертью, возле сельской часовни (места, где находили приют раскулаченные и где многие из них умирали), на могиле отца, Микшу посещают видения – ему чудится колокольный звон и поющие голоса, а черная громада часовни озаряется астральным негасимым светом, словно заревом свечей...

В основе “Поездки в прошлое” лежит не только идея воскрешения родовой памяти, полустершейся, искаженной внеисторическими полуправ-

дами, но, в частности, традиционная для русской и мировой литературы идея поиска отца/отцовства. Насколько типичен для Абрамова такой поиск? Возьмем на себя смелость утверждать, что все его творчество развивается под знаком идеи утраченного родства и его восстановления. Интерес к теме (без)отцовства проявился еще в первой абрамовской повести, которая так и называется – “Безотцовщина” (1961). Повесть завершается тревожным набатом – “предостережением, сигналом о неблагополучии” [14, с. 93], который отразился и в полную меру зазвучал затем в художественном завещании Абрамова. Под знаком модификации родовых отношений в России XX в. вплоть до развития традиционной темы русского раскола (перенесенной на семейно-родовую почву) проходила и основная линия развития официального Абрамова – в знаменитой тетралогии “Братья и сестры” (1958–1978), название которой дала цитата из речи Сталина 3 июля 1941 г.

Намеченное сопряжение “задержанных” произведений Абрамова с традицией не только русской, но и мировой литературы так или иначе вводит творчество Ф. Абрамова в целом в общемировой контекст. Но есть и особенности абрамовских текстов, проявившиеся лишь на уровне публикации “задержанных” произведений и только тогда обнаружившие внутреннее сопряжение с новейшими тенденциями мировой словесности.

“После публикации его (Абрамова – А.Б.) личной переписки, дневников, записей, мы теперь знаем больше и подробнее о его личных переживаниях, чувствах, отношении к власти. Теперь можно рассматривать многогранное творчество Абрамова в целом, включая его личные записи и художественные произведения как текст, под знаком *metafiction*, где на первый план выступают взаимоотношения писателя со своей эпохой. В отличие от других писателей брежневского застоя, Федор Абрамов показал нам наиболее ясно и четко те внутренние переживания и боль, которые испытывал писатель, находясь под давлением цензуры и литературной бюрократии” [12, с. 1]. Абрамовская *metafiction* (термин Д. Шепперда, см. [15]), сотканная не только из собственно текста произведения, но и автобиографических заметок, дневниковых записей, мемуаров, образует сложное и подвижное интертекстуальное пространство и вводит творчество писателя не только в русло классической русской традиции, но, шире, в европейскую и мировую традицию *metafiction*, представленную, как считают Д. Шепперд и Г.С. Морсон, прежде всего именами Гоголя, Достоевского, Сервантеса, Стерна, Пушкина [15, с. 6; 16, с. 225] (см. также [17, с. 203]).

Характер рассматриваемых публикаций абрамовской *metafiction* позволяет выявить некую важную тенденцию в развитии не только русской